

Ю. ПИМЕНОВ

Таинственный мир зрелищ

Паяцы

Ю. ПИМЕНОВ

Таинственный мир зрелищ

СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК. МОСКВА. 1974

Таланты и поклонники. Афиша

Вот — мой восторг, мой страх
В тот вечер в темном зале.

А. Блок

...Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира,
Глубокими морщинами волнуясь,
Меж ним и нами занавес лежит.
Спадают с плеч классические шали,
Расплавленный страданьем крепнет голос
И достигает скорбного закала
Негодованьем раскаленный слог...
Я опоздал на празднество Расина...
Вновь шелестят истлевшие афиши,
И слабо пахнет апельсинной коркой...

О. Мандельштам

Люди любят зрелища, в своем представлении они окружают их особой атмосферой таинственности, загадочности, необыкновенности.
Уже с детских лет самый поход в театр мы ощущаем, как праздник, этот праздник не исчезает и у взрослых — он начинается еще дома в нарядных женских платьях, в запахе

духов, в особо прибранных прическах, в отутюженных костюмах мужчин, словом, всегда в той или иной мере взволнованной атмосфере подготовки к вечеру.

Праздник продолжается у театральных подъездов, в свете фонарей, в мелькании идущего снега, в толчее у театральных дверей, и дальше — в театральных гардеробах, где женщины — они-то особенно вносят нарядность в жизнь,— раскрываясь от верхней одежды, появляются во всем своем старании быть прекрасными. Зеркала отражают множество женщин и девушек, оправляющих платье, поправляющих прически, кладущих бледно-розовые, перламутровые мазки краски на губы и бледно-голубые — на веки глаз; в электрическом свете мерцает, переливается вся эта масса людей, разноцветность одежды, матовость открытых рук, плечей, еще оставшийся снег на шубах или блики мокрых от дождя плащей.

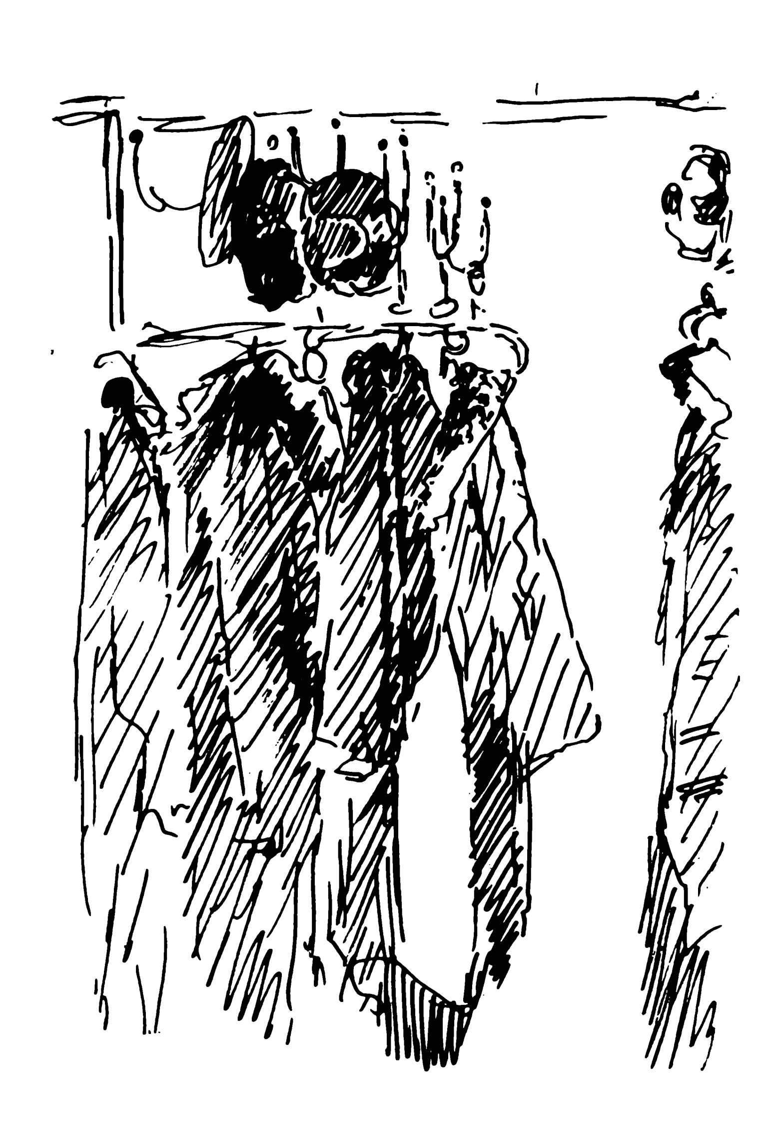

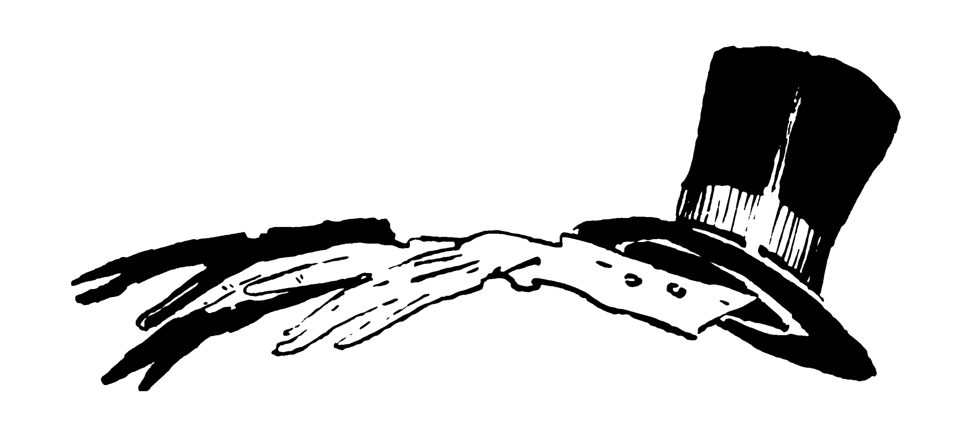

Бесприданница. Афиша

Театральная лестница — преддверие театра, преддверие зрительного зала и, наконец, зрительный зал, всегда наполненный людским волнением, ожиданием, интересом. Я почти не знаю таких людей, которые не были бы взволнованы атмосферой театра, на которых не действовало бы ожидание зрелища, которых не трогали бы медленно гаснущие люстры зрительного зала, загорающиеся подсветы занавеса или медленное освещение открытой темной сцены и появление на ней первого актера.

Для меня театр всегда предвкушение и всегда воспоминание — это и золотые ложи нарядных зрительных залов, которые после антрактов погружаются в темноту, и те особые звуки настраивающегося оркестра, которые еще не музыка, но уже рождение чувства приближающейся музыки; это и внимательные лица зрителей, выделяющиеся в сумраке зала, где исчезают темные цвета одежды и остаются только лица, обнаженные женские руки, поблескивающие глаза. Я видел это много раз, и всегда мне хочется видеть еще и еще — пусть это волшебство зрелища происходит и не бог весть в каком театре, но все равно тайна театра остается. Театр сейчас почти отменил занавес, свою таинственную границу между сценой и зрительным залом, заменив ее, так же заманчивой для зрителя, темной пустотой сцены.
С занавесом из театра уходят в большой мере изобразительность и образность спектакля, его нарядность и часть его красоты, да и особая, дополнительная содержательность тоже. Какими великолепными явлениями театра были занавесы Врубеля, Сомова — они и сейчас в эскизах смотрятся настоящими драгоценностями. Я думаю, что отсутствие

Дама с камелиями

такого прекрасного и сильного средства в спектакле будет временным и театральный занавес во всей своей силе опять появится в театре.

Ведь даже кино, самое техническое из искусств, захотело теперь взять себе на вооружение занавесы перед своими экранами, а иногда и внутри фильмов, тем самым усиливая элемент зрелищности, торжественности, ожиданья перед началом сеанса. Пока эти занавесы сделаны из ровных одноцветных материалов, но я представляю себе, что в каком-нибудь кинотеатре возьмут на себя инициативу и сделают изобразительный занавес на тему киноискусства или жизни и искусства вообще. Я верю в силу изобразительности.

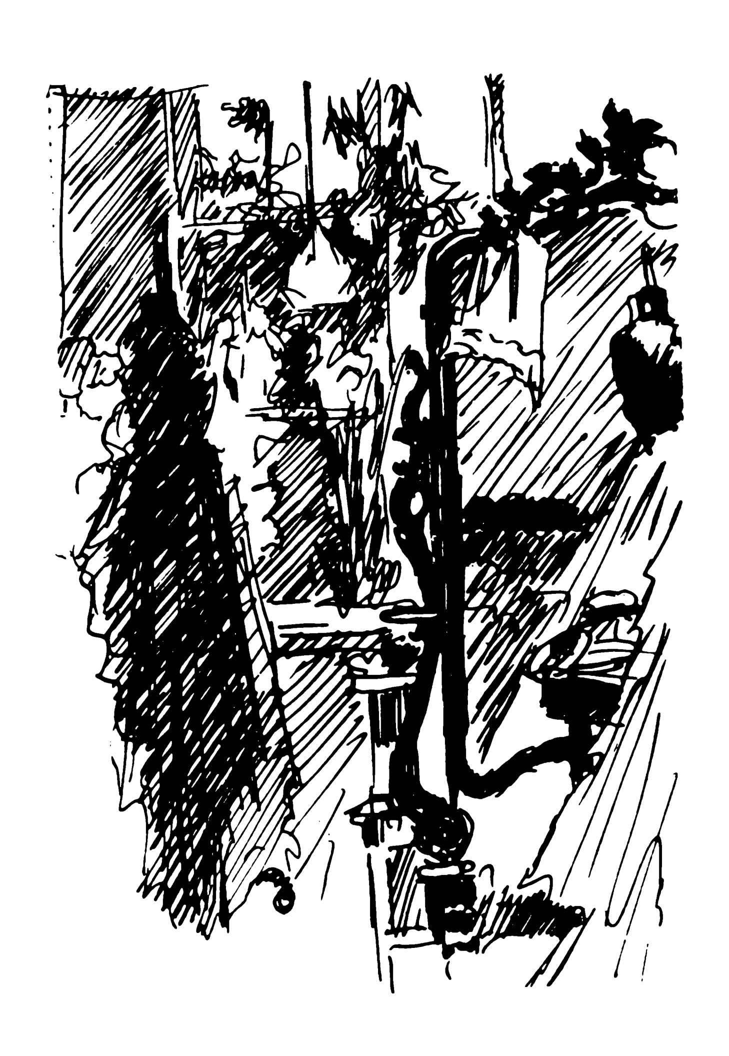
И в цирке занавес отделяет от зрителя незнакомую и таинственную сферу кулис, коридоров, клеток и стойл — из этого неведомого мира тянет загадочностью и волшебством и особым запахом грима, пота, конюшен, и, раскрываясь, занавес выпускает весь «парад-алле» цирка с пестротой клоунов, с игрой света на блестках костюмов, с особой красотой акробатов, со всей фантастикой и эксцентрикой этого необыкновенного зрелища.

Нет, занавес — прекрасное, тонкое искусство.

Паяцы

Много людей каждый вечер занимают свои места в залах театров и кино, вокруг цирковых арен. И начинаются везде чудеса зрелищ, где актер и свет, ловкость и красота, юмор и насмешливость, вкус и талант драматурга и режиссера, художника и музыканта, тонкий труд портных и гримеров, рабочих сцены и мастеров света — все вместе создает на два-три часа особый мир, грустный или веселый, иногда реальный до иллюзии, иногда невероятный до сумасшествия, но для зрителя всегда интересный и хоть сколько-то загадочный.

В этом мире движутся по кругу белые лошади в перьях, красивые, как балерины, и балерины плывут в классических

пачках в музыке и свете большой сцены, в этом мире человечнейшие интонации Чехова, слезы его Раневской и страдания его «Чайки» сменяются желтыми, синими, красными цветами комедии дель'арте, интригами ее Арлекинов и Бригелл, ее шумом, весельем и кокетством, а потом печальной безнадежностью экзистенциализма или могучей драматургией Шекспира.

Я видел много спектаклей, много фильмов, много цирковых программ; одни забываются навсегда, другие остаются в памяти, некоторые не забудутся никогда, но от всего виденного остается некий общий праздник, который лежит где-то по другую сторону быта, по другую сторону обыкновенного дня.

Несколько лет мне пришлось довольно много работать в качестве художника в разных театрах. Я узнал этот необыкновенный и незнакомый для зрителя мир, так сказать, изнутри; он был моим «производственным» местом, я принимал

Костюмерная мастерская в сумерки

Лондонские балетные портнихи

посильное участие в той работе, результатом которой является спектакль. Мне это было очень интересно, я знакомился с тем, как живопись эскиза переходит в большой размер сцены, как свет освещает и меняет расписанный холст, как бутафорские материалы на сцене становятся драгоценными и как спектакль, собранный по частям из разных цехов, от разных мастеров, превращается в нечто единое и цельное,— все это мне было очень интересно, делал я это всегда с удовольствием, но самым дорогим для меня стало узнавание и открытие этого мира зрелищ в его не внешней, сценической жизни, а в обычном, каждодневном, рабочем состоянии. Этот мир оказался необыкновенно увлекательным — душа зрелища как-то приблизилась и раскрылась,

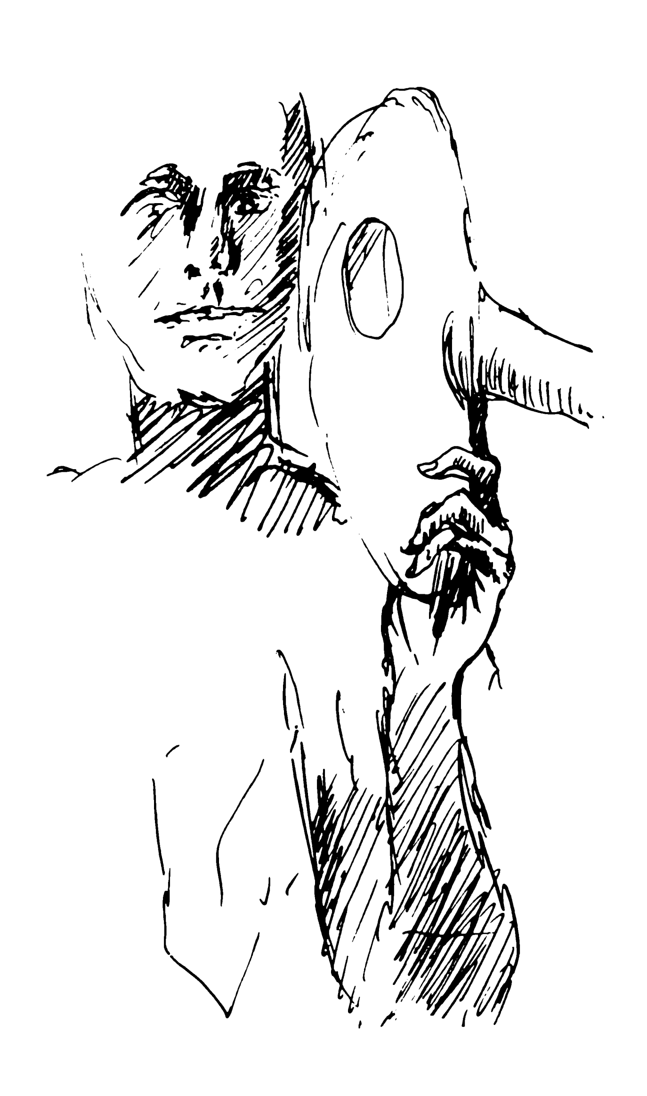
стали понятны многие механизмы этих тайн, но очарованье осталось, оно только обернулось более теплой и более интимной стороной. И это было мне очень интересно, не менее, если не более, чем то, что я видел из зрительного зала.

И то и другое открыло мне много тем, и, когда подошло время прямого художнического интереса ко всему этому миру представлений, я с большим увлечением стал пробовать изобразить свои впечатления и воспоминания, всю ту поразившую и поражающую меня атмосферу самих зрелищ и всей подготовки к ним.

Любовь к трем апельсинам

Актер, современный человек, приехавший на свою работу через современный город, человек, как и все мы, полный забот, дел и огорчений, гримируется в театральной уборной, комнате, окрашенной масляной краской в ровный и часто невеселый цвет. Перед ним стоит на деревянной болванке парик, костюмерша принесла на плечиках костюм, тройное зеркало отражает лицо человека и руку, которая кладет грим. Кто-то рядом говорит какую-то чепуху, рассказывает анекдоты, перебирает мелочи, но постепенно актер отходит от всего этого — изменяется его внутреннее состояние и соответственно его внешний вид, в него входит другая жизнь, на него уже наплывает сцена — и он становится Гамлетом

или Иваном Грозным, сержантом какой-нибудь части, бухгалтером районного учреждения или разбитным слугой из комедии Гольдони.

Это очень интересно видеть, как изменяется лицо современного человека, как в костюме и гриме появляется образ и одновременно остается живой человек, но, правда, уже в каком-то другом качестве. Я видел много актеров и актрис, которые менялись на глазах, превращались в образ и уходили из актерских уборных в пространство сцены, в мир драматургии, в мир представления.

Снегурочка

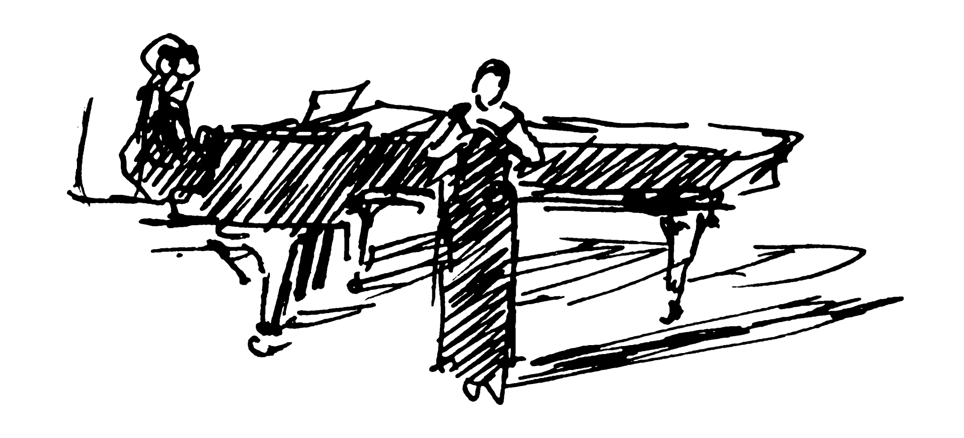
На балетной репетиции (Лондон)

Их стеклянные украшения превращались в драгоценности, отделки, придуманные из дешевых материалов в мастерских театра, становились валансьенскими или брабантскими кружевами, светился прозрачный нейлон, тяжелыми складками ложился бархат, и в свете софитов и рампы начиналось то чудо театра, которое, конечно, очень преходяще в действительности, но в случае удачи оно может стать незабываемым.

Черные манекены с наколотыми бумажными выкройками, балетные пачки, как розовые и голубые цветы, большие столы, заваленные лентами, газом, катушками, обнаженные руки мастериц, их головы, черные или светлые, бутылки молока и булки с колбасой на завтрак — эта обстановка мастерской театра, где шьют костюмы для балета. Мне эта атмосфера интересна и дорога необыкновенно. Рисовать

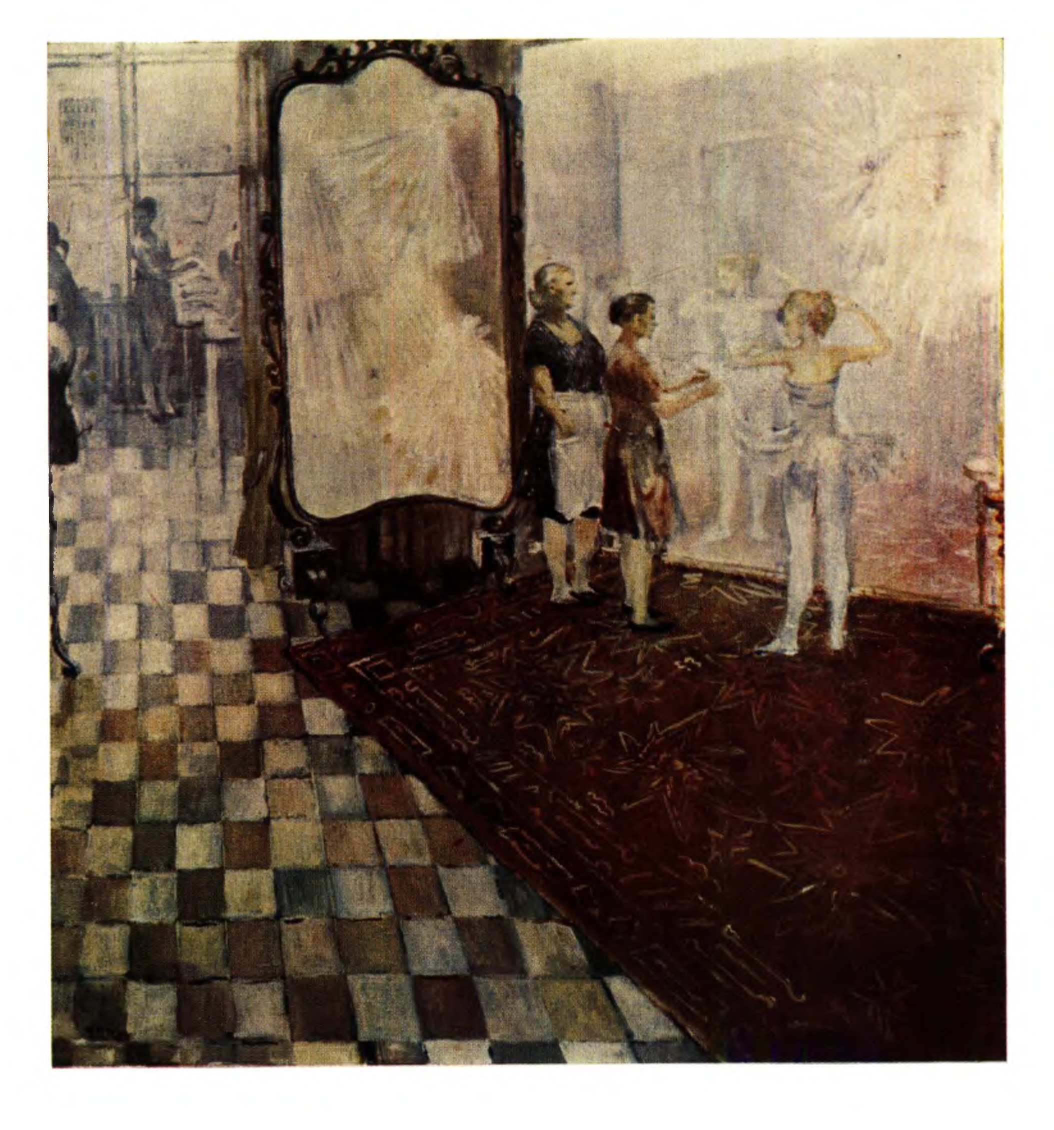

там для меня просто наслаждение, и я всегда готов воспользоваться этой возможностью. Давно я начал свои попытки изображать эту тему, и желание делать это не прошло у меня и сейчас. Там соединяются нежные, эфемерные материалы, фантастические задачи, призрачные представления с крепким реализмом мастериц, с их озорным разговором, с их настоящей жизнью. И потом в примерочной, в огромном зеркале тонкая фигура балерины, вокруг нее плотные, очень бытовые женщины-портнихи, примерка пачки, легкой, как воздух, и отражение в зеркальной поверхности всей этой сцены и хаоса манекенов, выкроек, лент, столов, горящих ламп — все это наполнено женскими голосами, собрано в огромном зеркальном стекле, пропитано особым запахом мастерских и теплом.

Потом мастерские, где стоят деревянные болванки, и тонкие женские руки делают на них парики, рыжие и седые, платиновые и черные, парики, которые потом станут принадлежностью Отелло или Федры, циркового рыжего или рыжей наездницы, которая делает свои кульбиты под мерный ход крупной лоснящейся лошади, под щелканье берейторского хлыста.

Балетная пачка

Перед выходом на сцену

И еще бутафорские мастерские, где теми же обыкновенными руками вылепливаются страшные или смешные маски, которые пугают или смешат, блестят фосфоресцирующими красками, вращают невероятными глазами,— и зритель часто забывает, что это просто тряпки, папье-маше, и простодушная химия, и уносит домой какой-нибудь веселый или пугающий образ.

На полу большого декорационного зала разложены холсты, и девушки в джинсах, в модных и заляпанных краской кофточках возят по холстам в железной тележке банки и ведра краски всех цветов, и на холстах появляются то правдоподобные леса, то доморощенные абстракции, замки

оперного спектакля, легкие туманности балета. Там к грубому холсту прибавляется и легкий тюль, и тяжелый бархат, и еще какие-то новые материалы, прозрачные, волокнистые или мягкие, как резина, и все это поднимается на штанкетах сцены, и осветители в своих ложах, со своих мест направляют разные света на эти изделия мастерских, и вы не узнаете ту простую материю, которая лежала на полу, вы увидите тот втягивающий, обволакивающий вас незабываемый мир представления, где и тряпки и люди становятся уже чем-то совсем другим — образом, искусством, сложным созданием человека.

От разных спектаклей, от фильмов, которых я пересмотрел множество, от цирковых представлений, которые всегда немного одинаковые и всегда восхитительно разнообразные,— от всего этого у меня осталось много воспоминаний; они, конечно, подкреплялись новыми впечатлениями, но все-таки это были по своему духу воспоминания.

Сирано де Бержерак

Костюмерная мастерская

От некоторых, даже от многих, сохранились наброски, они для меня очень дороги,— даже если и неудачны и неверны, они сразу вызывают в памяти тех людей и ту среду, что так сильно поразили когда-то.

Французский клоун, почти мальчик, какой-то удивительно легкий и милый, на тонкой проволоке в свете голубых прожекторов.

Трагическая музыка «Паяцев», трагические лица актеров этой оперы.

Лондонские балетные портнихи, худенькие городские девушки, шьющие цветные пачки, сидя на столах большой нанятой квартиры, покуривая и временами попивая вино из темной бутылки.

Плотные фигуры театральных портних, шьющих такие же пачки на фоне окон с московским пейзажем, где идет снег. Необыкновенно красивый спектакль Всеволода Эмильевича Мейерхольда «Дама с камелиями», красивый в самом высоком смысле.
Последний акт «Вишневого сада», последние слезы Раневской в старом доме, ее печальная темная фигура, сидящая в светлом зачехленном кресле, нарядность костюмов «Травиаты», воспоминания о прекрасном французском искусстве тех времен. Репетиция лондонского балета — балерины, одетые в какие-то старые вязаные чулки, фуфайки, туфли. Пустая сцена после репетиции, с хламом декораций по стенам, с одинокой дежурной лампой на простом

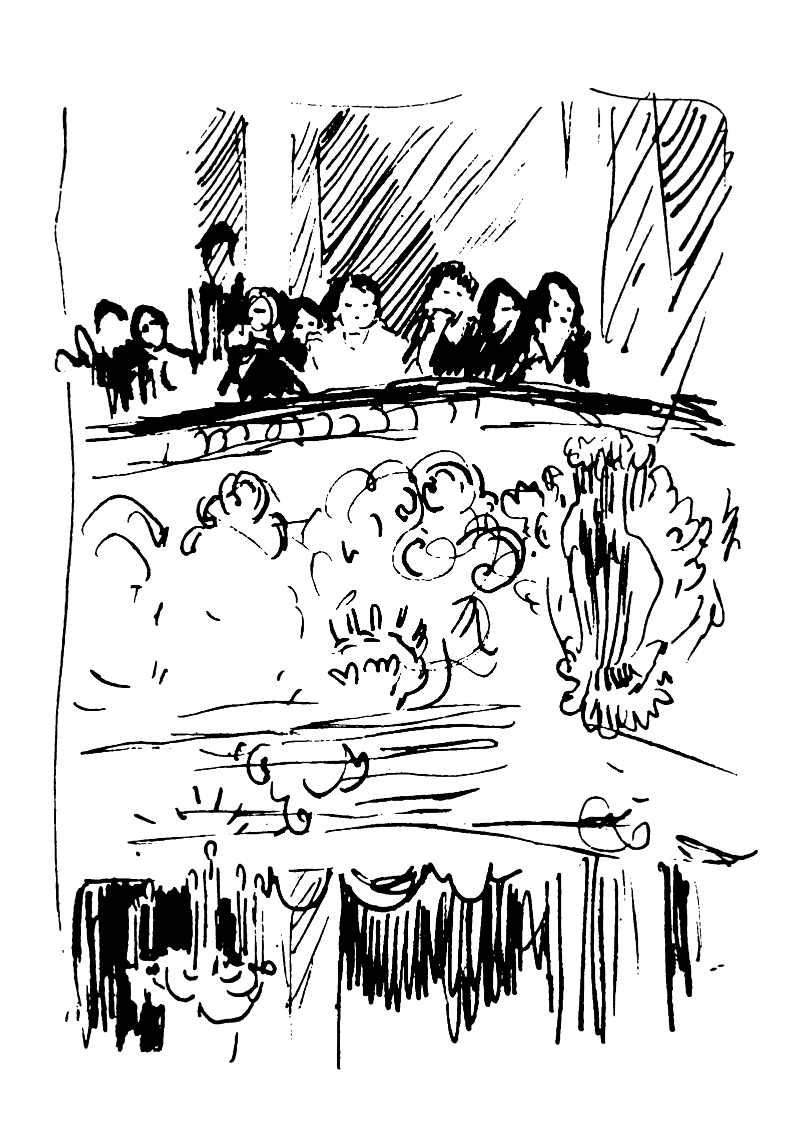

А. Попов в роли Ивана Грозного

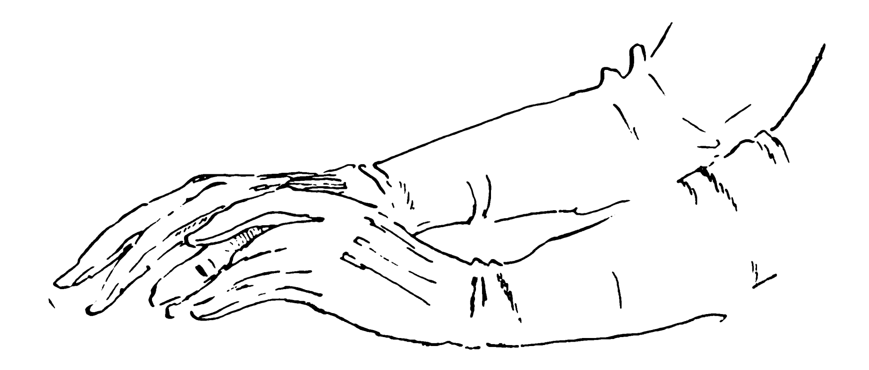
проводе. Золотые кресла партера, ожидающие своих зрителей. Актриса перед выходом на сцену. Сумерки в костюмерной мастерской, когда манекены, выкройки и костюмы погружаются в общий вечерний тон, и утром та же мастерская, оживленная шумом швейных машинок, пятнами солнца, голосами и смехом женщин. Искусственные цветы бутафорских мастериц, такие фальшивые вблизи и такие прекрасные со сцены. Толпа балерин в пачках у кулис, у выхода на сцену, нарядность и пот, прекрасное и немного уродливое рядом. Актерская уборная перед спектаклем —

молодая женщина с тонкими чертами умного лица, светлое тело, вокруг трудятся парикмахерша, гримерша, костюмерша — все хлопочут, все ее убирают, все готовят ее к выходу. Темная яма оркестра, черное на оркестрантах, сплошной темный цвет и яркие, белые в свету нотные пятна. Великолепная, блестящая чернота концертного рояля, который впитывает в себя все цвета, весь мир зрительного зала.

Т. Самойлова — Анна Каренина

Театральные буфеты, где кефир, сосиски, помидоры покупают д'артаньяны, антигоны и принцессы турандот, где за столиками из гнутых трубок сидят персонажи во всем богатстве бутафорских материалов и со всем острословием актерского мирка. Клоуны, гимнасты цирковых программ, женщины в блестках под куполом цирка, кажущиеся необыкновенно прекрасными и недосягаемыми.

Все это представления, все это зрелища, все это оставляет во всей своей массе неискоренимое состояние праздника, и в нем, как и во всяком празднике, некоторые места и часы освещаются особенно ярко.

Но праздники бывают не только блестящим фейерверком слов и звуков и цвета, от них остается не только нарядная, красивая форма, но главным образом заложенная в их глубину душа, душа того сложного искусства, которое делается многими людьми и многим людям передается.

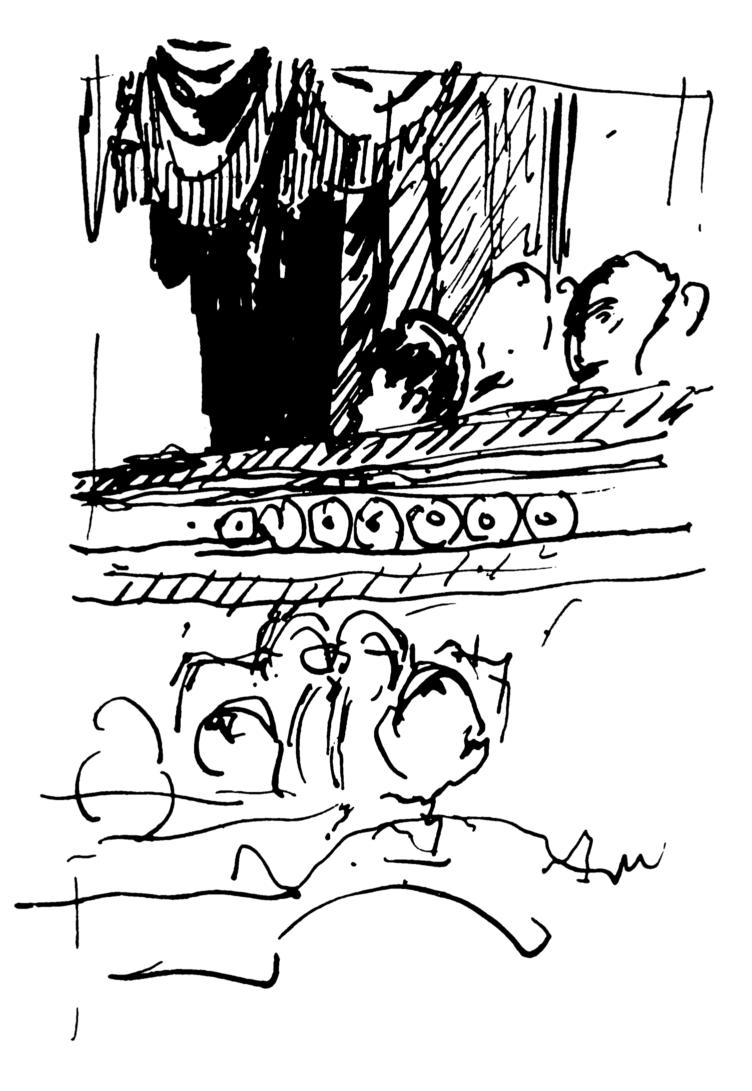
Тут происходит то, что можно назвать воспитанием чувств, воздействием, влиянием, восхищением,— это когда проходит первое очарование праздника и начинается медленное, но

глубокое приживление тех мыслей, той формы, всего того сложного, что заложено в искусстве, и в зрелищном искусстве в частности.

Смешной клоун в огромных ботинках, со встающей зеленой шевелюрой, с резкими эксцентрическими выкриками врастает в память не только простым смехом, но и чем-то очень грустным, трогательным и даже трагическим,— и этот сложный образ так и останется в душе. И экзистенциалистская

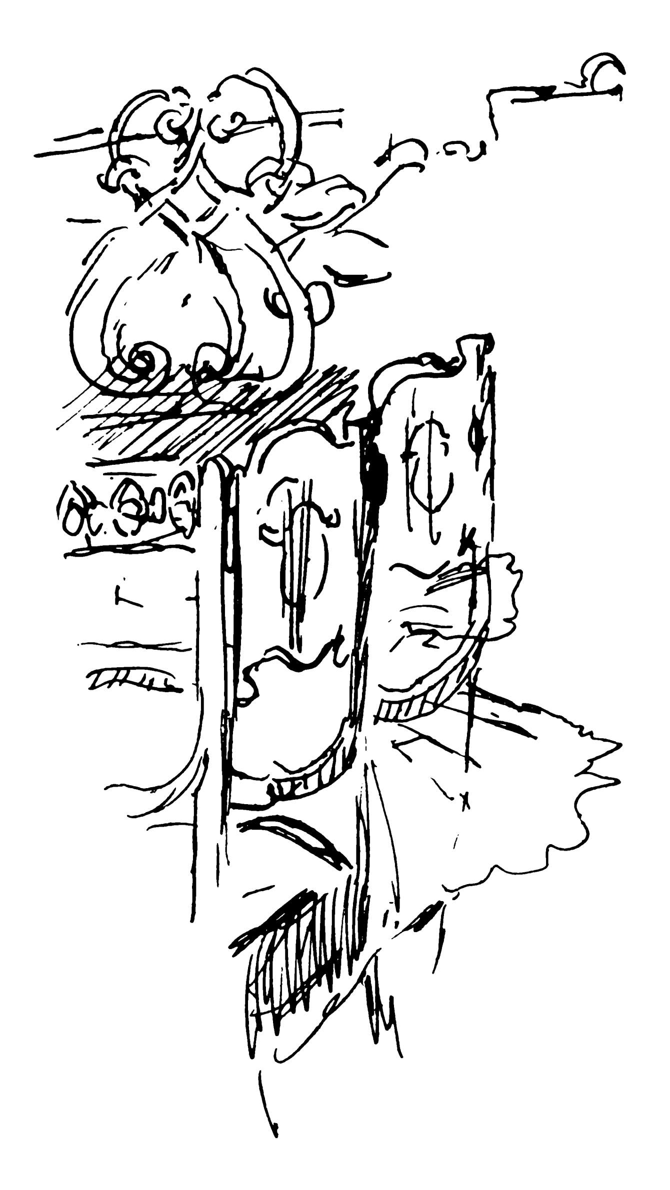

Дядюшкин сон. Афиша

Вишневый сад →

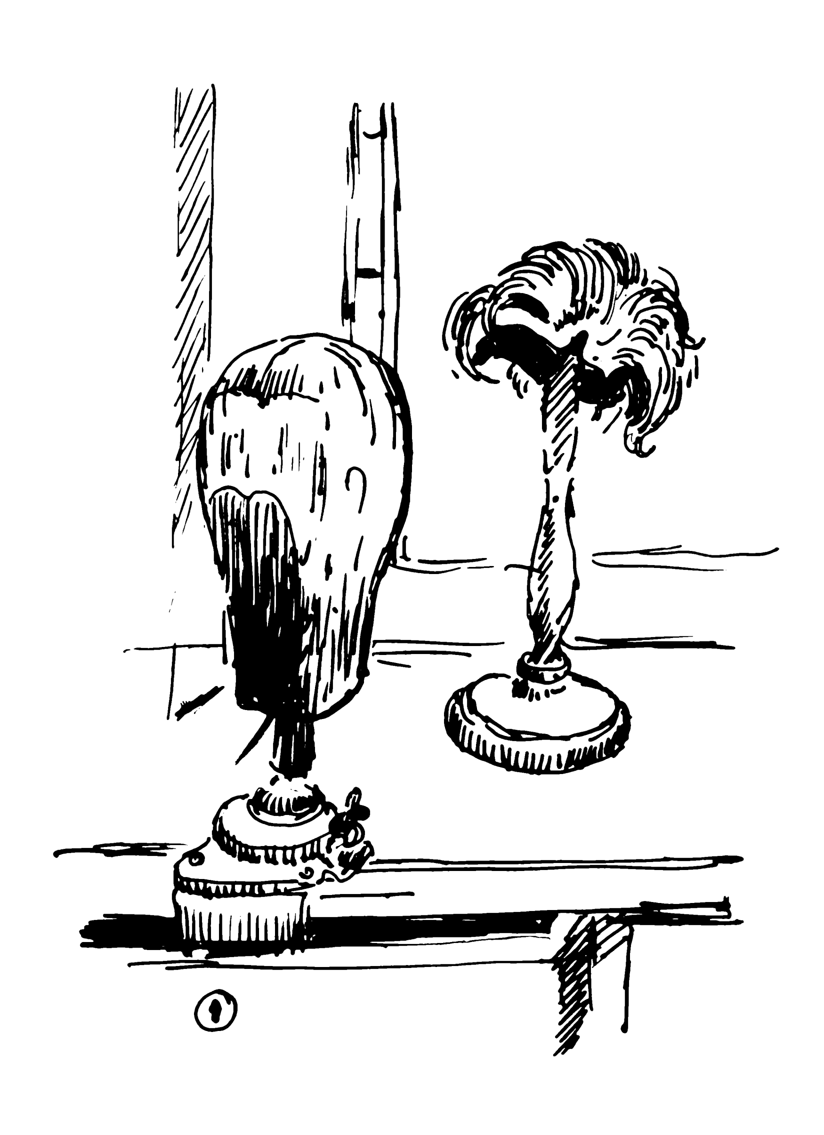

пьеса со своей часто бьющей в глаза модностью и с некоторой непонятностью, оседая в сознании и памяти, раскрывает свои человеческие интонации и часто оказывается глубокой общечеловеческой драмой.

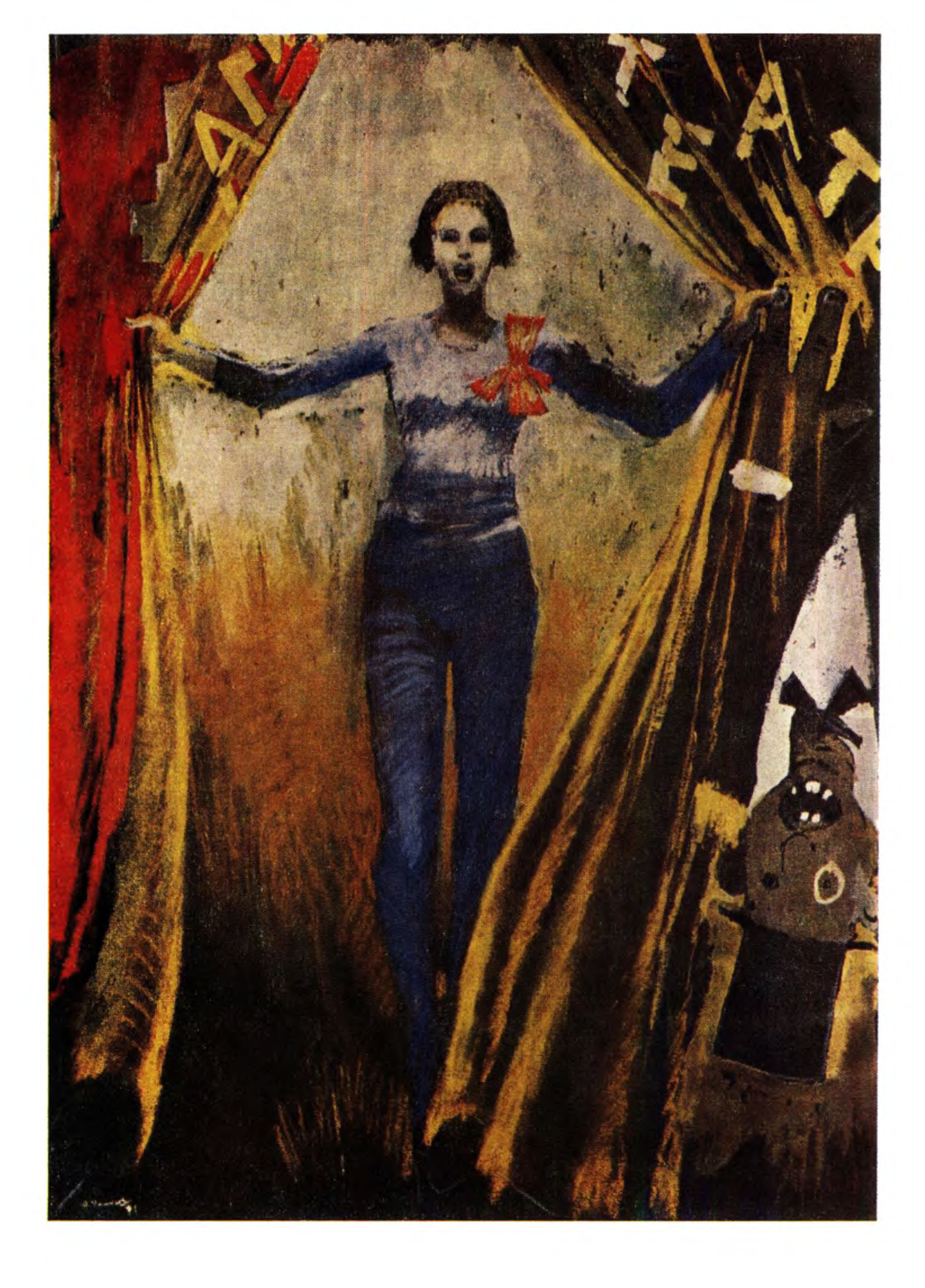
Донельзя открытый бюст какой-нибудь озорной служанки из итальянской комедии, раздетые героини многих хороших

фильмов, вначале вызывающие примитивную сексуальную реакцию, потом часто вспоминаются как что-то очень прекрасное, совсем освобожденное от похабщины, от вульгарности, от хихиканья — просто они становятся примерами какой-то большой и тонкой красоты.

И Островский, знакомый нам по школьным программам, даже где-то будто бы наскучивший, вдруг в хорошем и умном театре делается таким живым и современным, настолько многие образы этой старинной драматургии приложимы

Агит-театр

Восточные танцовщицы

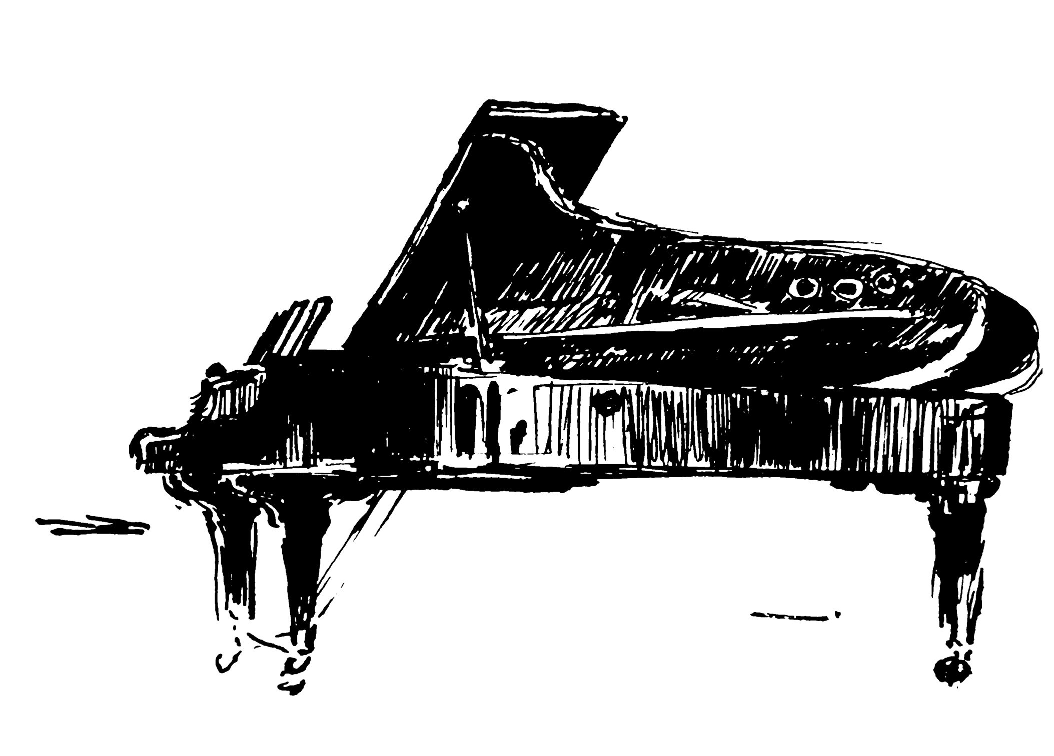

к реальности, что зритель смотрит такой спектакль с неподдельным интересом и потом в жизни пользуется своим театральным опытом для оценок многих явлений жизни.

Обычно летом мы уезжаем из города, и весь искусственный мир представлений, с которым мы часто встречаемся зимой, уходит куда-то далеко. Мы забываем о нем.
Гремят июльские грозы, простые полевые цветы в больших букетах стоят на открытых террасах рядом с только что принесенным парным молоком. Солнце освещает скошенные луга, и над ними стоит необыкновенно прекрасный запах свежего сена, и то же солнце расходящимися лучами просвечивает вечереющий сосновый лес, который пропитан густым запахом разогретой смолы. Косые дожди идут над далеким полустанком. Волны северных и южных морей набегают на широкие пляжи. Снежные горы лежат под крыльями самолета и поднимаются над курортными городками. И тогда иногда мы вспоминаем о том особом мире очень хрупкого и очень сильного искусства, о великих актрисах, произносящих великие монологи, об ожидании неожиданного перед просмотром нового фильма, об искусственных цветах театральных букетов, о тех замечательных концертах, на которые так трудно достать билеты и в музыке которых мы вспоминаем и косой дождь, и шум моря, и июльские грозы.

Мир зрелищ, мир представлений изображали замечательные мастера. Сколько актрис и клоунов, сколько балерин, акробатов, девушек в трико отлично нарисовано в разные времена разными людьми. Сколько трагизма и лирики прошло в этих темах.
И все-таки и в моей жизни наступило такое время, когда страшно захотелось тот накопленный материал из жизни представлений, материал из того мира, как будто бы призрачного, но на самом деле необыкновенно реального, захотелось, даже не то что захотелось, но просто появилась неудержимая душевная потребность попробовать изобразить разные свои воспоминания, разные свои впечатления от тех, то удивительно прекрасных, то необыкновенно печальных персонажей и явлений, которые я уже никогда не смог выкинуть из своей памяти. И я, в меру своих сил, и попробовал это сделать.

Зажигаются огни на выносных софитах театра, они освещают складки уже довольно потрепанного занавеса, на экранах загораются титры нового фильма, шталмейстер в длинном фраке, с набриолиненным пробором и дежурной улыбкой объявляет первый номер цирковой программы.
В одном романе Ремарка сказано, что «волшебство сохраняется только до тех пор, пока тебе ничего не надо» Так войдите в этот мир зрелищ, только войдите бескорыстно, непредвзято и неравнодушно — и мир этот с особыми запахами, с особой душой, с особым светом и цветом, со всем своим волшебством охватит вас и охватит надолго.

Концерт прошел с успехом

Эта книжка — мои впечатления и воспоминания о театре.
Одно время я много работал в театре художником. Театр я любил всегда, но тогда я его узнал, так сказать, изнутри.
Я узнал напряженные часы репетиций и пустую ночную сцену с тусклой дежурной лампой; мастерские, где делают театральные костюмы и нежные балетные пачки; узнал замечательных актеров, которые, преображаясь на глазах, создавали сложные и тонкие образы; увидел, как театральный свет превращает людей, пространство сцены и декорации в особый и необыкновенный мир.
И мне очень захотелось попытаться передать свои впечатления, связанные с работой в театре с тем, что делал там и что видел.
К этому прибавились впечатления от цирка и кино, и все вместе превратилось для меня в образ зрелищ, в мир очень реальный и вместе с тем всегда с оттенком некоторой таинственности.

Рисовать все это было интересно. Я долго просиживал в полутемном зрительном зале, когда на сцене идет репетиция, как будто бы непонятная для постороннего, а на самом деле это и есть подлинная, напряженная жизнь театра. Рисовал в театральных мастерских, где на манекенах были одежды разных времен и покроев, сделанные из материалов часто совсем неожиданных, и где мастерицы выкраивали и шили все эти красивые имитации, а в часы перерыва здесь же пили чай или молоко, ели бутерброды с колбасой среди обрезков бархата и нейлона.

Проходило какое-то время, и я вспоминал спектакли, произведшие на меня сильное впечатление, и по этим воспоминаниям мне тоже было интересно рисовать. Так же как писать портреты актеров — современных людей, которые, превращаясь в сценические персонажи, одновременно оставались самими собой.

Все эти темы дала мне работа в театре.

Мальчик на проволоке в цирке

3. Райх — «Дама с камелиями»

и изображать театральную жизнь я начал давно, лет тридцать тому назад.

Еще я очень люблю рисовать афиши. Они являются началом спектакля еще на улице города, приглашением в театр, а так как театр всегда в какой-то мере праздник, то, следовательно, приглашением к празднику.

Когда большой и чистый лист бумаги наклеен на доску или приколот к стене и на нем можно наметить образ будущего спектакля, то такая задача, и трудная, и увлекательная, вызывает огромное желание это сделать.

Мир театральных, цирковых и всяких других зрелищ — мир глубоких чувств, мир особенный и необыкновенно интересный. Он интересен и из зрительного зала и, может быть, еще интереснее с другой стороны, которая находится за сценой, за кулисами, за занавесом...

Там видно, как сложно делается искусство зрелищ и как работающие над этим люди влюблены в свое дело.

В своей книжке я старался ввести Вас в этот мир зрелищ, в этот мир с особыми запахами, с особым светом и цветом, с особой душой, со всем своим волшебством.

Ю. Пименов

Антракт

This book is my impressions and memoirs about the theatre. At one time I was working hard as an artist at the theatre. I was always fond of the theatre, but at that time I got the chance to know it from inside, so to speak I came to know rehearsal hours strenuous and a deserted nightly stage with a dim night-lamp: I came to know workshops where theatrical dresses and delicate tutus are being made.
I made the acquaintance of wonderful actors who created complicated and, at the same time, subtle images. I saw how the theatrical light turned men, stage and scenery into a particular and unusual world.
I wanted very much to tell my impressions of the work at the theatre, what was doing and seeing there.
Circus and cinema increased my impressions and everything taken together turned for me into a show, a world very real and, at the same time, very mysterious. It was very interesting to paint all that. I would stay for a long time in a half-dark hall, when on the stage there was a rehearsal, as though incomprehensible for a stranger, but actually that was hard life of the theatre in fact.
I worked in theatrical studios where there were clothes of different times and styles on models, made of an unexpected material.
In these studios the seamstresses cut out and sewed the whole of these beautiful clothes, but during dinner break they had tea and milk, sandwiches with sausage among pieces of velvet and neylon.
Some time had passed, and I remembered performances which had made a good impression on me and besides in was very interesting for me to paint by these recollections.
I also painted with pleasure portraits of the contemporary actors who real as they were stage personages.
It was my work at the theatre that helped me with all those themes. I began to paint a theatrical life about thirty years ago. I am fond of painting play-bills too. There are an out-of-doors forward to a performance, a sort of invitation to the theatre. Since the theatre is always a movable feast, the play-bill serves as an invitation to a show. When large and blank sheet of papier is pasted on a board or it is attached with a pin on a wall and when it is possible to make a mark of a future play's image on it then this task both complicated and fascinating arouses a wish for doing it. The world of the theatre and circus is a world of deep feelings, a peculiar and unusually interesting world. This world arouses an interest from the hall but it is more interesting from the opposite side of the stage, behind the scenes and the drop-curtain...
One can see there how complicated is the art of show and how the people working on it. In my book I tried to make you feel the world of show, the world with specific smells, lighting and colour, with particular idea and magic of its own.

Lenin prize laureate
J. Pimenov

РЕПРОДУКЦИИ	REPRODUCTIONS
Паяцы	The Clowns
Таланты и поклонники. Афиша	Talents and Admirers (Talanty i Poklonniky) Play-bill
Бесприданница. Афиша	The Portionless Girl (Bespridannitsa). Play-bill
Дама с камелиями	The Lady with Camellias (Dama s kamelijamy)
Паяцы	The Clowns
Костюмерная мастерская в сумерки	A wardrobe workshop in the twilight
Лондонские балетные портнихи	The London ballet seamstresses
Любовь к трем апельсинам	The Love for three Oranges (Ljudov k trem apelsinam)
Снегурочка	The Snow-Maiden (Snegurochka)
На балетной репетиции (Лондон)	During the ballet rehearsal (London)
Балетная пачка	A tutu
Перед выходом на сцену	Before going out on the stage
Сирано де Бержерак	Cyrano de Bergerac
Костюмерная мастерская	A wardrobe workshop
А. Попов в роли Ивана Грозного	A. Popov — Ivan the Terrible
Т. Самойлова — Анна Каренина	T. Samoylova — Anna Karenina
Дядюшкин сон. Афиша	The Uncle's sleep (Djadjushkin son). Play-bill
Вишневый сад	The Cherry Orchard (Vichnevy sad)
Агит-театр	The theatre of agitators
Восточные танцовщицы	The eastern dancers
Концерт прошел с успехом	The concert went off with great success
Мальчик на проволоке в цирке	A boy dancing on the wire at the circus
З. Райх — «Дама с камелиями»	Z. Raikh — the Lady with Camellias
Антракт	The entr'acte
В книге напечатаны наброски из рабочих блокнотов автора	The sketches printed in the book are taken out of artist's working albums.
На обложке:	On the cover:
Театральный натюрморт	Theatrical still life

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ПИМЕНОВ
ТАИНСТВЕННЫЙ МИР ЗРЕЛИЩ

Редактор В. П. Кузнецова
Художественный редактор С. А. Лифатов
Технический редактор Л. А. Пархомчук
Корректор И. А. Шорсткина

Советский художник. 1974
Москва, 125319, ул. Черняховского, 4а.

Сдано в набор 28/XI-1972 г. Подписано в печать 24/VI-1974 г.
А10118. Формат $60\times90^1/_{16}$ 5 п. л. 3,921. уч.-изд. л.
Бумага мелованная 120 гр.
Тираж 40.000 экз. Изд. № 12-190/к. Зак. 3605. Цена 1 р. 01 к.

$\frac{792\text{-}01}{\text{П-}32}$ П $\frac{80102\text{-}193}{084(02)\text{-}74}$ 30-74

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21

Цена 1 р. 01 к.

СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК. МОСКВА. 1974